

Op 613
A 84

Труды

— Оренбургской ученой
архивной комиссии

Вып. XXIII

т. XXIII

Оренбург

902(06)(47)

15-78

Op 613

A.87

902.9

Оренб.
Обл.

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

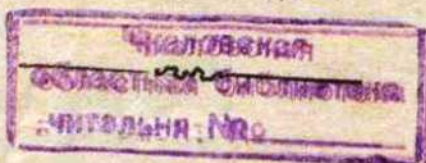
O E U V R E S

de la Commission scientifique des Archives
d'Orenbourg. Russie.

Выпускъ XXIII.

Tome XXIII.

О Р Е Н Б У Р Г Г ъ .
Типо-лит. Т-ва „Каримовъ, Хусановъ и К-о“. Оренбургъ.
1911.

1-50

ПИСЬМА

гр. В. А. Перовскаго къ Н. В. Балкашину.

8 февраля 1907 г. Оренбургская Ученая Архивная Комиссія заслушала предложеніе Михаила Эдуардовича Эверсмана*), не пожелаетъ ли она помѣстить въ „Трудахъ“ своихъ хранящіяся у него письма гр. В. А. Перовскаго къ Н. В. Балкашину. Въ виду согласія Комиссіи г. Эверсманъ прислалъ 9 писемъ съ похода на Хиву въ 1839—40 г.г., 11-ть—съ похода подъ Акъ-Мечеть 1853 г. и, кромѣ того, относящіяся къ послѣднему походу 3 письма В. В. Григорьева къ Балкашину и 7 копій съ официальныхъ бумагъ. Изъ этого матеріала оказались уже напечатанными въ Русскомъ Архивѣ за 1879 г. (кн. 2) два письма гр. Перовскаго, одно—Григорьева и 5 официальныхъ бумагъ, а потому они и не будутъ помѣщены ниже....

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію писемъ, не лишнимъ будетъ сказать два слова о лицахъ, ведшихъ эту переписку, т. е. о гр. Перовскомъ, Н. В. Балкашинѣ и В. В. Григорьевѣ.

О гр. Василіѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ и, въ частности, о его походахъ на Хиву и подъ Акъ-Мечеть уже имѣется въ настоящее время немало литературныхъ данныхъ. Назовемъ, напр., книгу И. К. Захарьина (Яку-

*) Сынъ нѣвѣстнаго ученаго и проф. Казанск. университета Эдуарда Александровича Эверсмана помѣщикъ Оренб. уѣзда.

нина), изд. въ 1901 г. въ С.-П.Б., „Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву“, Н. Веселовскаго (1877 г. С.-П.Б.) „Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ“, Н. Л. Иванова (1873 г. С.-П.Б.) „Хивинская экспедиція 1839—40 г.г.“, М. Иванина (1874 г. С.-П.Б.) „Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—40 г.г., брошюру Юдина „О графѣ Перовскомъ“ и XVIII выпускъ „Трудовъ“ Оренб. Ученой Архивной К-ссіи „Записки генераль-маіора Чернова“. Въ первыхъ двухъ книгахъ собрана значительная литература по данному вопросу. Кроме того, разнаго рода свѣдѣнія разбросаны еще на страницахъ журналовъ: „Библіотека для чтенія“ (1859 г. № 10), „Міръ Божій“ (1898 г. сент.), „Историческій Вѣстникъ“ (1899 г. май), „Русскій Архивъ“ (1865 г. кн. 3, 1878 г. кн. 1, 1879 г. кн. 1 и 2), „Военный Сборникъ“ (1863 г. янв. и февр.), а также въ „Трудахъ“ К-ссіи, и т. д. Несмотря, однако, на существованіе такого обильнаго матеріала письма самого гр. Василія Алексѣевича съ походовъ цѣнны потому, что рисуютъ намъ обликъ этого выдающагося человѣка не съ официальной стороны, а съ интимной безъ прикрасъ, раскрывая намъ его мысли и чувства. И если, какъ видно, общество интересуется личностью графа, то намъ то, жителямъ Оренбурга, гдѣ В. А., будучи дважды начальникомъ края, прожилъ 15 лѣтъ, неустанно работая на пользу этой окраины, и гдѣ память о немъ жива и до сихъ поръ,—всякое свѣдѣніе о немъ представляетъ несомнѣнную цѣнность.

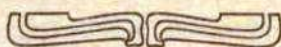
Биографическія свѣдѣнія о Николаѣ Васильевичѣ Балкашинѣ *) удалось почерпнуть только изъ формуляра, любезно присланнаго Департаментомъ Общихъ Дѣлъ (М. В. Д.). Какъ оказывается, Н. В. происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. Повидимому, онъ окончилъ курсъ въ училищѣ колонно-вожатыхъ, такъ какъ 8 мая 1821 г.

*) Гр. Перовскій писалъ „Балкашинъ“.

поступилъ въ этомъ званіи на службу. Черезъ два года въ чинѣ прапорщика Н. В. былъ зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и за отличіе по службѣ произведенъ въ подпоручики, именно, за участіе въ военной экспедиціи въ киргизъ-кайсацкой степи и въ перестрѣлкѣ при р. Эмбѣ. Въ 1825 г. Н. В. былъ командированъ съ отрядомъ для принятія купеческаго каравана, отправлявшагося въ Бухару, при чемъ опять побывалъ въ перестрѣлкахъ съ хивинцами, тухменцами, каракалпаками и киргизами. Вскорѣ послѣ этого онъ за болѣзнь былъ уволенъ отъ службы, но уже въ 1829 г. вновь поступаетъ адъютантомъ къ начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса ген.-лейт. Веселитскому, а затѣмъ къ ген.-м. Чуйкевичу. При военномъ губернаторѣ гр. Сухтеленѣ работалъ онъ по проведенію коммерческаго тракта отъ г. Самары до Верхнеуральска, а затѣмъ при гр. Перовекомъ въ чинѣ штабсъ-капитана назначенъ былъ адъютантомъ къ нему. Получивъ въ 1837 г. чинъ капитана, Н. В. въ 1840 г. назначается исполнять должность командующаго Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ съ состояніемъ по кавалеріи подполковникомъ, а уже въ 1843 г. производится въ полковники. Черезъ два года послѣ этого Н. В. переходитъ на службу въ Мин. Вн. Дѣлъ на должность Саратовскаго вице-губернатора, а въ 1846 г. видимъ его Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Съ генеральскимъ чиномъ Н. В. еще разъ въ 1851 г. возвращается на военную службу и, оставаясь на прежней должности, получаетъ также въ командованье и Башкирское войско. Во время похода гр. П. подъ Акъ-Мечеть на Балкашина было возложено исполненіе должности генераль-губернатора. Время смерти Н. В. неизвѣстно; извѣстно лишь, что онъ умеръ въ Петербургѣ на пути за границу. Женатъ былъ Н. В. на вдовѣ полковника Габбе, Варварѣ Александровнѣ, дочери ген.-лейт. А. П. Мансурова.

Что касается извѣстнаго востоковѣда, въ послѣдствіи профессора с.-петербургскаго университета, Василія Васильевича Григорьева (1816—1880), то достаточно сказать, что онъ попалъ на службу въ Оренбургъ по приглашенію гр. П. на должность чиновника особыхъ порученій, былъ начальникомъ Пограничной Комиссіи, а во время похода 1853 г. состоялъ въ качествѣ правителя походной канцеляріи и исторіографа экспедиціи.

П. Цыпляевъ.

I.

ПИСЬМА

В. А. Перовскаго къ Н. В. Балкашину

съ похода въ хиву.

30 Ноября 1839 г.—20 Марта 1840 г.

*№ 1. Р. Темиръ. 170 верстъ отъ Оренбурга
30 Ноября 1839 года.*

Все это время не имѣлъ я ни одной свободной минуты, чтобы сказать Вамъ два слова, любезнѣйшій мой Балкашинъ; поговорить съ Вами хочется, хотя и не имѣю ничего сказать, чтобы Вы не знали; горько, очень горько было мнѣ съ Вами разставаться, но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, не проходило ни одного дня, ни одной ночи, чтобы я по нѣскольку разъ не думалъ о Васъ и не радовался, что здоровье Ваше въ послѣднее время было такъ разстроено, что не можно было и подумать Вамъ пускаться въ этотъ зимній походъ. Иначе могли-

бы Вы обмануть себя на свой счетъ, пойти въ степь и навѣрное-бы не выдержали морозовъ и усталости. Впрочемъ до сихъ поръ, хотя холода и постоянные доходятъ до 30 и небываютъ менѣе 15°, но настоящей нужды мы еще не терпѣли: одѣты хорошо, ѣдимъ также и можно бы идти припѣваячи, если бы солдаты были не такіе распущенные, вялые, никуда негодные воины; въ нихъ не только нѣтъ воинскаго духа, но и нѣтъ воинской дисциплины. Къ несчастію поправить этого теперь совершенно уже нельзя, но, по крайней мѣрѣ, необходимо стараться ввести столько порядка, чтобы быть не хуже хивинцевъ, а теперь, право, я не знаю, кто изъ насъ лучше; на первомъ переходѣ за линію былъ уже одинъ случай явнаго неповиновенія противъ моихъ приказаній между артиллеристами 14-й бригады; вчера одинъ часовой ночью бѣжалъ изъ цѣпи, бросивъ свое ружье, плуталъ нѣсколько часовъ по степи, наткнулся на другую колонну и, думая воротиться къ своему отряду и избѣгнуть наказанія, укралъ въ той колоннѣ ружье *); къ несчастію я вынужденъ показать надъ нимъ всю строгость военныхъ законовъ въ военное время, безъ этого Богъ знаетъ, что можетъ случиться въ ту минуту, когда будетъ требоваться отъ солдата слѣдное повиновеніе передъ непріателемъ.

Офицерство у насъ все здорово, а между солдатами простудныхъ больныхъ прибавляется каждодневно. Какъ рано мы не встаемъ, сколько не стараемся выучить скорѣе, но переходъ въ 20 верстъ не можемъ дѣлать такъ, чтобы приходиться засвѣтло и чтобы верблюдамъ оставалось время пасть; благодаря киргизамъ, вдоль всего Илека стоятъ стога съ сѣномъ, мы покупаемъ его и кормимъ верблюдовъ, но далѣе когда прибудемъ на Темиръ, надобно будетъ принять другую систему слѣдованія и тогда вѣроятно будемъ дѣлать менѣе 20 верстъ. Второй

*) Случай этотъ описанъ въ книгѣ „Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву“ И. Н. Захарьина (ч. 2, стр. 37—38). Ред.

экземпляръ походной кухни меня спасаетъ,—только этимъ средствомъ и удалось мнѣ нагрѣвать мою кибитку, такъ что при 25° мороза могу довести у себя до 15° тепла. Adieu cher et bien aimé ami, je vous embrasse et baise les mains de Варвара Александровна. Je vous prie d'écrire à Алеша *) et lui donner de mes nouvelles et de m'en donner des siennes. Adieu encore une fois. B. P.

Р. С. Султанъ Юсуфъ привелъ мнѣ сюда лошадь, кажется, что хороша, испробовать еще не успѣлъ, сдѣлайте ему хорошій подарокъ отъ моего имени.

Въ заголовкѣ моего письма вмѣсто Р. Темиръ читай Р. Илекъ; когда то будемъ на Темирѣ? Оттуда и до Эмбы не далеко, а отъ Эмбы . . .

Письмо это пишу съ казакомъ, привезшимъ мнѣ отъ вѣтныя бумаги отъ Струкова.

№ 2. 26 Декабря 1839 года.

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ! Внезапно представившійся случай отправлять письма въ Оренбургъ не даетъ мнѣ времени писать Вамъ много; въ нѣсколькихъ словахъ скажу только, что несмотря на морозы и бураны все мы здоровы; по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ офицерству слово все справедливо, касательно солдатъ нечего грѣха таить: ѣдятъ какъ быки, а болѣютъ и умираютъ какъ мухи; казаки совсемъ другое дѣло, здоровы и бодры. Однакоже надняхъ извѣстіе о соседствѣ хивинскаго войска ободрило все наше,—и впрямь находка; если они насъ дождутся, если ихъ у Картамака или гдѣ нибудь вблизи много, то это намъ кладъ,—насъ теперь больше и мы свѣжѣе, чѣмъ будемъ при спускѣ съ Устюрта, а если здѣсь удастся ихъ поколотить (въ чемъ не хочу сомнѣваться), то къ нимъ прійдемъ уже совершенными хозяе-

*) Незаконный, но усыновленный сынъ В. А. Ред.

вами. Что часто приводитъ меня въ затрудненіе и въ немалое, это то, что всѣ наши Г. г. вывели съ собою свои оренбургскія страстишки и личности; — прошу при такомъ ограниченномъ числѣ офицеровъ и при такомъ числѣ ограниченныхъ офицеровъ управляться такъ, чтобы такой то не сходился съ такимъ то, не былъ бы отъ него въ зависимости и проч. и проч.

Надѣюсь передъ выступленіемъ отъ сюда написать Вамъ еще, — теперь прошу переслать прилагаемое письмо. —

Прощайте, обнимаю Васъ, какъ люблю, отъ всего сердца. Мое почтеніе Варварѣ Александровнѣ. *)

В. Перовскій.

№ 3. Укрѣпленіе на Эмбѣ. 5 января 1840 г.

Много разъ Вамъ спасибо, любезнѣйшій другъ, за письмо отъ 14 декабря; по крайней мѣрѣ Вы поговорили со мною о моемъ Алешѣ, хотя и не имѣли о немъ свѣжихъ извѣстій, а я пишу; если бы они въ Москвѣ могли понять, что значить для меня ожидать отъ него письма, ждать мѣсяцъ, получить наконецъ нарочнаго и ни слова о немъ — отъ многихъ горькихъ минутъ избавили бы меня, если бы писали чаще.

Мы все еще на Эмбѣ и съ Усть-Урта дополземъ не скоро, въ долинахъ намело много снѣга, колонны выступаютъ сюда дня черезъ два, одна послѣ другой; это для того, чтобы безъ нарочитаго конвоя можно было передавать и довести до Эмбы больныхъ нашихъ изъ Акъ-Булака. Авось либо пойдемъ скорѣе вообразившись на Устюртъ. — Здѣсь мы потеряли безъ малаго мѣсяцъ, по нечего было дѣлать; теперь бы въ томъ бѣда и невелика, но для возврата мѣсяцъ значить много.

*) Супруга Н. В. Балкашина и дочь г. л. Александра Павловича Мансурова, бывшаго въ итальянскомъ походѣ Суворова и дѣйствовавшего противъ Пугачева. Ред.

Очень благодаренъ Вамъ за труды и старанія по настоящей Вашей обязанности, поблагодарите отъ меня и Пучкина; старайтесь завести очередные вѣрные списки, этимъ устранился много злоупотребленій, которыхъ безъ того и знать нельзя.—Когда то приведетъ Богъ поблагодарить Васъ на словахъ и обнять на дѣлѣ такъ, какъ теперь обнимаю въ мысляхъ?

Мы къ морозамъ привыкли совершенно, они болѣе никого изъ насъ не пугаютъ и, если что повредить экспедиціи, то не они, а глубокій снѣгъ, утомляющій верблюдовъ и мѣшающій имъ добывать кормъ; этого признаюсь я боюсь очень.—На дняхъ киргизы отряда вздумали было пошалить, отказались идти впередъ, объявивъ рѣшительно, что предпочитаютъ умереть всѣ здѣсь на мѣстѣ, чѣмъ по эдакому морозу нести головы въ Хиву; словесныя убѣжденія остались тщетны и только послѣ второго разстрѣлиннаго человѣка и когда прочіе ожидали той-же участи, начали они просить пощады и общались во всемъ повиноваться.

Прощайте, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, мое почтеніе Варварѣ Александровнѣ; кланяйтесь Эверсману съ семействомъ *) и Любви Александровнѣ.

Душевно Васъ любящій,

В. Перовскій.

№ 4. На возвратномъ маршѣ. 7-го февраля.

Не жалѣйте, любезный другъ, о томъ, что не удалось Вамъ идти со мною въ походъ, Богъ не благословилъ его; безъ славы, безъ пользы потеряли бы Вы здоровье Ваше.—О моемъ нечего говорить; къ моему удивленію я переносу хорошо всѣ трудности этого тяжкаго похода,

*) Эдуардъ Александровичъ Эверсманъ—ученый, изучавшій Оренбургскій край, впоследствии проф. Казанскаго университета. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Любви Александровны, Софьѣ Ал. Маусуровой. Ред.

перенесъ даже и бѣду неслыханную, ударъ душевный, какого, врядъ-ли, кто-либо испыталъ. Если я не дошелъ до Хивы, то съ помощью Бога надѣюсь по крайней мѣрѣ довести его обратно, что также не весьма легко;—еще бы два, три перехода впередъ и насъ бы никогда не увидали ни Хивинцы, ни вы.

Обнимаю Васъ отъ души. Мой дружескій поклонъ Варварѣ Александровнѣ. Не могу сказать и приблизительно, когда съ Вами увижусь; зависѣть будетъ отъ того, какъ прибуду на Эмбу и какія изыщу средства къ дальнѣйшему слѣдованію.

№ 5. Эмбенское укрѣпленіе. 15-го февраля 1840 г.

Въ горѣ моемъ утѣшили меня хотя на нѣкоторое время письма, полученныя съ послѣднимъ нарочнымъ.—Благодарю Васъ, любезный другъ, и за Ваше письмо, оно писано 3-го февраля, а 1-го числа участь отряда была уже рѣшена.—И официально и особенно по частнымъ извѣстіямъ знаете Вы уже теперь подробно о причинахъ, вынудившихъ меня къ отступленію. Еще здѣсь, на Эмбѣ, предугадывалъ я положеніе, въ которомъ должны мы очутиться послѣ,—отъ этого и болѣзнь моя, и страданія, болѣе душевныя, чѣмъ тѣлесныя.—Ужасные дни и ночи провелъ я; ужасна была для меня борьба, прежде чѣмъ рѣшиться выговорить слово *отступленіе*; никто мнѣ въ этомъ не помогъ и не могъ помочь;—многіе, почти всѣ видѣли невозможность идти впередъ, но кто, кромѣ меня, могъ бы, сказать *воротимся!* Въ случаѣ успѣха большая часть хвалы и чести пала бы на мою долю, при неудачѣ вся хула, осужденіе, критика и проч.—все разразится надъ одной моею головою;—оно такъ и быть должно. Во многихъ случаяхъ моей жизни, но ни въ одномъ болѣе, чѣмъ въ настоящемъ, успокаивала, успокаиваетъ меня совѣсть; теперь гораздо еще яснѣе, чѣмъ на Акбулакѣ,

убѣжденъ я, что если бы заставилъ отрядъ сдѣлать хотя только нѣсколько переходовъ впередъ, то Вы бы изъ насъ никого уже не увидали и мы погибли бы до единого, не видавъ непріятеля. Совѣсть запрещала мнѣ принести отрядъ въ столь бесполезную, безславную жертву; разсудокъ и честь не дозволяли губить на *вѣрное* и передать непріятелю безъ боя оружіе, орудія и весь военный снарядахъ, который бы нашелъ онъ при насъ, тогда когда уже насъ бы не было.

Можно-ли было угадать такой несчастный конецъ экспедиціи!—Вотъ человѣческая мудрость!—Когда отрядъ выступилъ въ походъ, Вы, любезный Болкашинъ, были въ отчаяніи, что не могли мнѣ сопутствовать. Вы думали, что и слава и польза идутъ со мною,—а свыше опредѣлено иначе; оставшись, принесли Вы болѣе, гораздо болѣе пользы, чѣмъ я.

Благодарю Васъ отъ души за всѣ старанія Ваши по ввѣренной Вамъ части; теперь голова моя недовольно еще свободна, чтобы отвѣчать въ подробности на тѣ предметы по управленію Башкирскимъ Войскомъ, о которыхъ Вы мнѣ пишете, но все Вами сдѣланное и мнѣ извѣстное я въ полной мѣрѣ одобряю.—Скажу Вамъ не въ комплиментъ, а какъ истину, въ которой я убѣжденъ, что Вы соединяете въ себѣ именно всѣ тѣ качества, которыхъ требуетъ мѣсто Вами теперь занимаемое: башкирскій бытъ и Оренбургскій край Вамъ достаточно извѣстны,—на недостатки, злоупотребленія и проч. успѣли Вы насмотрѣться со стороны и это чуть-ли не лучшее средство видѣть вещи съ настоящей точки; не говоря уже о способностяхъ и правилахъ, Богъ Вамъ далъ сердце, доступное всему доброму, понимающее и угадывающее страданія ближняго и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточную твердость характера; повторяю, Вы соединяете въ себѣ всѣ тѣ качества, которыя нужны для возведенія Башкирскаго народа на ту степень благосостоянія, на которой онъ стоять можетъ и на которой я уже седьмой годъ какъ желалъ

бы его видѣть.—Это мнѣніе о Васѣ у меня не новое, теперь приспособляю я его только къ особенному случаю, но мнѣніе это родилось во мнѣ съ первой поры, какъ только узналъ Васѣ, съ тѣхъ поръ оно не измѣнилось, а укоренилось, и если иногда Вы меня не понимали или, лучше сказать, не отгадывали, то это могло только произойти отъ какихъ нибудь обстоятельствъ совершенно отъ меня не зависящихъ.

Прощайте, любезный другъ, мое почтеніе Варварѣ Александровнѣ; не могу нынѣшній годъ общать Рая Гарварѣ Александровнѣ.—Богъ одинъ знаетъ, гдѣ и какъ я проведу лѣто.

В. Перовскій.

№ 6. Эмба. 29 февраля 1840 г.

Я столько писалъ въ продолженіе двухъ дней, что, не смотря на все желанье, не могу написать ни строчки Алешѣ и потому прошу Васѣ, любезнѣйшій другъ, написать отъ себя Алешѣ, что Вы отъ меня получили письмо и что я здоровъ.—Я теперь перепархиваю или правильнѣе перепалзываю съ Эмбы на Темиръ и черезъ нѣсколько дней окончательно расположусь на послѣднемъ, а сколько тамъ проживу не знаю.—Я поручилъ Мансурову *) сказать Вамъ, чтобы Вы не оставляли моего дому; хотя бы я явился къ Вамъ и теперь, то и тогда не было бы въ этомъ надобности,—умѣстимся всѣ и мнѣ пріятно будетъ имѣть такихъ жильцовъ.

Обнимаю Васѣ обоихъ, т. е. Васѣ и Варвару Александровну.

В. Перовскій.

На прошлой недѣлѣ былъ два дня сряду жестокий бурянь, который кажется *кончалъ* **) нашихъ верблюдовъ;

*) Н. А. Мансуровъ—сынъ ген. лейт. А. П. Мансурова. Ред.

**) Выраженіе киргизъ. Ред.

мы ихъ потеряли еще нѣсколько сотъ, и теперь изъ всего отряда остается не болѣе 2 тыс. полумертвыхъ. Рассчитайте, гдѣ и въ какомъ положеніи были бы мы теперь, если бы я продолжалъ идти впередъ.

№ 7. Лагерь на Темирѣ. 8-го марта.

Я получилъ письмо Ваше, любезный Балкашинъ, отъ 23 февраля—*не оставайтесь вѣсновать въ степи—это опасно*, говорите Вы; на это скажу Вамъ, что я опасности для себя не вижу никакой, и если бы была, то *cela serait une raison d' plus* чтобы не оставлять отряда; всѣхъ, кому здѣсь дѣлать было нечего или чье здоровье не надежно, я отправилъ въ Оренбургъ, потому что грѣхъ было бы морить ихъ здѣсь даромъ; я бы отправилъ и Габбе,*) если бы имѣлъ малѣйшее сомнѣніе на счетъ его здоровья и теперь, если бы онъ сколько-нибудь захворалъ, я Вамъ даю слово, что употребляю всѣ средства, чтобы доставить Вамъ его въ цѣлости; но будьте совершенно спокойны, онъ здоровѣе, чѣмъ былъ въ Оренбургѣ. Что же до меня касается, то мое мѣсто здѣсь, пока есть сомнѣніе, какъ возвратится отрядъ, да и что могу я сдѣлать въ Оренбургѣ? Приѣхать и безпокоится о томъ, что дѣлается въ отрядѣ; признаюсь, что я остаюсь здѣсь по эгоизму—мнѣ здѣсь лучше; не думайте, чтобы неизбежные, глухие петербургскіе толки меня слишкомъ безпокоили, я рѣшился принимать ихъ не къ сердцу, а гораздо ниже; право не знаю, въ чемъ бы, хотя съ нѣкоторою основательностью, можно было обвинить и осудить меня? Экспедиція не съ тѣмъ была снаряжена и послана, чтобы пропасть безъ пользы, а съ тѣмъ, чтобы сдѣлать дѣло, хотя и съ большимъ рискомъ; если же по обстоятельствамъ, совершенно ни отъ кого не зависящимъ, встрѣтилась со-

*) А. В. Габбе—родной сынъ В. А. Балкашиной, по первому мужу Габбе, и пасынокъ Н. В. Балкашина; онъ былъ адъютантомъ у В. А. Петровскаго. Ред.

вершенная невозможность достигнуть цѣли, а предстояла только вѣрная, неизбежная и самая безславная гибель, то здравый разсудокъ, совѣсть и долгъ въ равной степени требовали возвращенія и, если бы отъ недостатка расчетливости или отъ самолюбиваго упрямства продолжалъ идти въ Хиву, я погубилъ бы весь отрядъ на дорогѣ, не сдѣлавши и не вытерпѣвъ даже ни одного выстрѣла, не видавъ и непріятеля, то заслужилъ-бы я себѣ этимъ чье нибудь одобреніе? Принесъ ли бы какую-нибудь пользу и приобрѣлъ ли бы какую славу Русскому оружію? Вся польза, которую бы я получилъ отъ этого лично, состояла бы въ томъ, что мнѣ не пришлось бы слушать обсужденія и толки, которые слышу теперь.—Я согласенъ съ Вами, что вторая экспедиція необходима,—но должно ли и вторую экспедицію ввѣрить опять мнѣ? Въ этомъ можно сомнѣваться: походъ противъ Хивы болѣе чѣмъ всякое другое военное предпріятіе зависитъ отъ счастья, а я довольно доказалъ, что въ этомъ случаѣ счастье меня не балуетъ. При равномъ достоинствѣ порученіе рискованное должно на войнѣ ввѣрять начальнику, родившемуся подъ счастливымъ созвѣдіемъ,—Это основное правило, слѣдовательно вторая экспедиція . . . и проч.

Теперь нѣсколько словъ о другомъ предметѣ интереснѣйшемъ: я бы конечно былъ очень счастливъ найти въ Оренбургѣ Алешу, но между тѣмъ никакъ не соглашусь перетаскивать его туда, не зная даже, долго-ли удастся мнѣ имъ наслаждаться. Ему въ Москвѣ хорошо, онъ тамъ привыкаетъ къ ученью, образуется и нравственно, а въ Оренбургѣ я буду теперь менѣе, чѣмъ когда либо въ состояніи заниматься имъ съ пользою. Выписать его въ Оренбургъ значило-бы съ моей стороны поступить совершеннымъ эгоистомъ и не согласно съ истинною отцовскою любовью. Дастъ Богъ увижу его въ Москвѣ, хотя нѣсколько часовъ.

Я не считаю нужнымъ писать оправдательныя статьи, особенно для иностранныхъ журналовъ, собственно

мнѣ оправдываться не въ чемъ, достаточно простого разсказа о случившемся; что касается до достоинства государства, то по моему мнѣнію, оно настоящею неудачею ни сколько не нарушено, а что будетъ далѣе—не въ моей власти и не на моей отвѣтственности. Въ этакоемъ дѣлѣ и годъ и два переждать нѣтъ бѣды, а ранѣе нельзя справиться другую экспедицію.

Если у Васъ есть мои деньги, то прошу Васъ дать пятьдесятъ рублей Дьяконову, который долженъ быть въ нуждѣ. Скажите ему, что эти деньги оставилъ я у Васъ для него передъ отъѣздомъ изъ Оренбурга, а ему вабылѣ сказать, чтобы адресовался къ Вамъ, когда понадобятся. Само собою разумѣется, что это не должно быть гласно.

По случаю уменьшенія нашей походной артели, кажется, всѣхъ запасовъ достанетъ на все время нашего степного житья; одно вино только не удалось, почти все пропало, а то которое осталось, такъ изуродовано морозами, что иную будылку, иной боченокъ трудно распознать, что въ нихъ было, по этому я прошу Васъ при отправленіи Зайчикова каравана въ концѣ этого мѣсяца прислать намъ и мнѣ боченка два, три рому, мадеры или портвейну, да бутылокъ нѣсколько шампанскаго, лафиту и рейнвейну, а по нѣсколько бутылокъ можно присылать и съ нарочными, которые будутъ отправляться еженедѣльно.

Прощай любезный Болкашинъ; я люблю тебя съ каждымъ днемъ болѣе. Прощай, обнимаю тебя и Варвару Александровну.

В. Ёеровскій.

Я сегодня не пишу въ Москву—напиши за меня.

№ 8. Темиръ. 14-го Марта 1840 г.

Мансуровъ сказалъ тебѣ правду, любезный Болкашинъ, я буду очень радъ, если ты, т. е. Вы останетесь

въ моемъ домѣ подѣ предложомъ, что не имѣете другой квартиры. Собственно для меня слишкомъ довольно моего кабинета, а если нижнія комнаты будутъ заняты Варварою Александровной, то для меня это будетъ предложомъ избавиться отъ обязанности принимать всегда и всякаго.—Соскучусь вверху, такъ сойду внизъ и найду я, съ кѣмъ душу отвести; прошу объ одномъ только: чтобы мое присутствіе ни въ чемъ васъ не стѣсняло и не принесло-бы никакой разницы въ вашемъ быту.—Габбе можно будетъ помѣстить во флигель. Конечно, меня порадовало ободреніе Государя, но лишь бы не слишкомъ меня торопили на второй походъ; право не такъ-то легко собраться будетъ и не торопясь.

В. Перовскій.

№ 9. Темиръ. 20-го Марта 1840 г.

Благодарю за книги, любезный Николай Васильевичъ, многихъ изъ нихъ не знаю и онѣ доставятъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Право, кажется и вы Оренбургскіе не понимаете до сихъ поръ моего положенія, вызываете меня изъ степи, какъ будто-бы я зажился въ Парижѣ для забавъ или въ Римѣ для климата;—неужели, если мнѣ оставаться было не зачѣмъ, сталъ бы я жить на мѣстѣ, гдѣ рискую потерять остатки разстроеннаго здоровья? Черезъ недѣлю надѣюсь выѣхать отсюда, т. е. когда узнаю о количествѣ верблюдовъ, собираемыхъ Бай-Мухамедомъ—прежде право нельзя. Разумѣется, что я уже пойду по слякоти, но дѣлать нечего; одному совершенно на легкѣ ѣхать мнѣ нельзя, хотя-бы этимъ средствомъ и гораздо скорѣе добрался я до линіи, но я затащилъ съ собою въ степь много такихъ людей или, какъ говорится, лицъ, которыхъ безъ себя на лишній мѣсяцъ оставить совѣстно. Изъ послѣдняго моего письма Вы уже знаете, почему повтореніе экспедиціи не

такъ меня порадовало, какъ бы ожидать должно было: я получилъ слишкомъ сильную и справедливую недовѣрчивость къ счастію и физическимъ силамъ; быть можетъ, разумъ и время сколько нибудь исправятъ это.—Алешу я не рѣшусь выписать въ Оренбургъ; если меня потребуютъ въ Петербургъ, то увижу его въ Москвѣ.

Прощайте, обнимаю Васъ, кланяйтесь Мансурову.

В. Перовскій.

II.

ПИСЬМА

В. А. Перовскаго къ Н. В. Балкашину

съ похода подъ Акъ-мечеть.

18 мая—15 августа 1853 г.

№ 1. Рѣчка Яманъ-Карабутахъ.
18 го мая 10 ч. вечера.

Хотѣлось бы мнѣ очень, любезный другъ, утѣшить тебя доброю о себѣ вѣстью, но, говоря правду, не могу о себѣ ничего сказать хорошаго. Въ теченіе нынѣшняго дня и перехода раза три было мнѣ такъ худо, что я не зналъ, что дѣлать и, размысливъ, ничего не сдѣлалъ и никому не сказалъ, потому что никто и ничто помочь не можетъ. Въ дормесѣ задыхаюсь, а на лошади боюсь простудиться,—изъ худого лучшее кабриолетъ,—закутавшись въ шинель на немъ проѣхалъ я послѣднюю часть сегоднѣшняго перехода. Проходить въ день по 70 верстъ, по твоему мнѣнію, очень легко, и ты о томъ со мною не разъ

спорить, а на дѣлѣ выходить это просто невозможно.— Мнѣніе это ты, кажется, передалъ Его Пр-ву Генералу Фантону-де-Вереіону и онъ, разумѣется, тотъ часъ сообразно этому напечатать маршрутъ отъ Оренбурга до Карабутака, и по этому маршруту обязанъ я сдѣлать, между прочимъ, три перехода въ одинъ день,—по тому же расчету отпущенъ на мою команду и провіантъ, такъ что теперь на одинъ по крайней мѣрѣ день не достанетъ у меня сухарей и придется требовать изъ Карабутака.— Подобныя продѣлки во всемъ мірѣ только въ сказкахъ сказываются, а въ Оренбургскомъ корпусѣ на яву совершаются. Все это можешь передать Начальнику Штаба. *)

Тебѣ собственно скажу, что мнѣ никакъ не вѣрится, судя по нынѣшнему дню, чтобы я могъ доплзти до Аральска. Далѣе и не думаю, а какъ думаю,—то беретъ дрожь! Какъ помочь недостатку травъ подъ Акъ-Мечетью? Безъ подножнаго корма успѣхъ сомнителенъ,—а недостатокъ сѣна или травъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ неожиданныхъ препятствій, которыхъ никакая человѣческая предусмотрительность предвидѣть не можетъ . . . слѣдовательно и проч., и проч. Обнимаю тебя.

В. Перовскій.

№ 2. 19-го мая, 10 часовъ вечера.

Благодарю за присылку забытыхъ вещей; при всякомъ спросѣ оказывается, что Антонъ забылъ еще много кое-чего; - не было бы конца, если бы присылать все, что забыто. Сегодня просто холодно, цѣлый день дулъ сильный вѣтеръ и шелъ дождь, по термометру 9° тепла, а теперь вечеромъ 7°. Странное начало, лучше-бы пришло оно въ концѣ.—Мнѣ вообще лучше, чѣмъ вчера, но вооб-

*) Ген. Фантонъ де Вереіонъ. Ред.

ще похвалиться не могу. -- Сегодня, боясь холода, проспидѣлъ цѣлый день въ дормезѣ, — ужасно трясокъ, — на ходу ни спать, ни читать невозможно; — огромная разница съ моимъ тарантасомъ, въ которомъ мы пріѣхали на Карав. озеро. — Сегодня выступили въ 4 часа, днемъ останавливались на 3 часа, пришли на ночлегъ въ 8 — болѣе сдѣлать невозможно безъ изнуренія лошадей, — всего прошли 50 верстъ. — До Аральска пройдемъ дней 20 — не менѣе. —

Прощай, обнимаю тебя и нашихъ.

№ 3. Карабутакъ. 25 мая.

Сегодня, подходя къ Карабутаку, получилъ я Твое письмо отъ 22-го съ экстрапочтою, — не ожидалъ его такъ скоро.

Принимаю все твои совѣты и рецепты съ благодарностью, только ради Бога, избавь меня, отъ пошлаго средства сберечь мое здоровье тѣмъ, чтобы не доводили до моего свѣденія мелочныхъ безпорядковъ и пр., пр. — объ этомъ, кажется, уже мы довольно толковали. — Полагать это возможнымъ, значить не имѣть понятія о моемъ характерѣ и о самомъ дѣлѣ, коего вся удача основана на мелочахъ, — принять эту систему, — значило-бы приказывать моимъ подчиненнымъ лгать, когда я буду ихъ о чемъ-либо спрашивать.

Прибытіе хивинскаго каравана, кажется, положительно указываетъ на неосновательность прежнихъ слуховъ.

Хорошо сдѣлалъ, что разрѣшилъ представленіе Пограничной Комиссіи о движеніи Султана Правителя Восточной части, — Военному Министру доносить тутъ не о чемъ, а не мѣшаетъ тебѣ увѣдомить Сенявина. Вообще же по Пограничнымъ или Заграничнымъ дѣламъ переписываться съ Петербургомъ, какъ можно менѣе.

Напрасно и ты и Фантонъ присылаете мнѣ копіи съ бумагъ, не заключающихъ ничего важнаго; этимъ замедляется отправленіе ко мнѣ почты.

Крѣпко досадила мнѣ степная почта, которую Подуровъ *) прослалъ на Орскъ, вмѣсто того чтобы направить мнѣ на встрѣчу, поэтому я въ совершенной неувѣстности объ Аральскѣ. Знаю только изъ писемъ Бутакова, **) что до сихъ поръ не готовъ ни одинъ пароходъ.—Предвижу, что не полажу съ Аральскимъ адмираломъ.

Пришли мнѣ двѣ сумки подобныя той, которая при семъ возвращается съ бумагами.

Жалѣю сердечно о твоемъ семейномъ горѣ, не предавайся ему, судьбы неисповѣдимы и воля Южья для насъ слѣпыхъ не понятна.

Пишу тебѣ такимъ нечеткимъ почеркомъ потому, что ужасно сильный вѣтеръ качаетъ мой тарантасъ.—Кибитку свою я еще ни разу не ставилъ, разъ попробовалъ, но не хватило терпѣнія, не дождавшись конца приказалъ опять уложить на воза.

Прилагаемые конверты и письма отправь по первой почтѣ.

Ты прочелъ письмо Военнаго Министра, слѣдовательно знаешь отвѣтъ его и о запашкѣ, и о ружьяхъ. Что то скажетъ Сеявинъ о Ладыженскомъ,—не прозѣвай его письма.

Прощай, обнимаю тебя и Вариньку. Вѣрно, что въ Оренбургѣ несносно,—не полагаю однако же, чтобы и здѣсь было чрезвычайно пріятно. Впрочемъ до сихъ поръ грѣхъ жаловаться.

В. Перовскій.

*) Впоследствии назнач. атаманъ Оренб. каз. войска. Ред.

**) Капитанъ лейтенантъ на пароходѣ „Перовскій“; онъ произвелъ съемку и описаніе Сыръ-Дарьи отъ устья до Акъ-Мечети, при осадѣ которой также участвовалъ. Ред.

Ты пишешь, что посылаешь журналы и газеты на случай, если бы захотѣлось ихъ прочесть.—Прошу тебя непременно присылать ихъ при всякомъ случаѣ.

**№ 4. По маршру 3 перехода отъ Уральскаго
къ Аральску. 1-го іюня.**

Собираюсь писать Тебѣ много и теперь, какъ пришлось исполнить, то голова пуста и не знаю, что сказать. Къ Уральскому укрѣпленію ожидалъ меня непріятный сюрпризъ: 112 человекъ больныхъ 4-го баталіона, оставленныхъ эшелонами; изъ нихъ 40 отобралъ и везу въ Аральскъ; что то ожидаетъ меня тамъ?—Ты сказала опять, чтобы я не думалъ о мелочахъ, а я опять поблагодарю Тебя за совѣтъ и расскажу Тебѣ о верблюдахъ.—Верблюды аральскіе и акъ-мечетскіе собраны, но гдѣ ждуть они—узнать не могъ. Киргизы на эту службу давали ихъ съ величайшимъ отвращеніемъ, правильнѣе даже сказать, что они ихъ не давали, а ихъ отбирали насильно, раскладкою со стальныхъ то кибитокъ по верблюду.—Киргизы смотрять на нихъ заранѣе, какъ на пропащихъ,—на это они имѣютъ опытъ и винить ихъ за оказываемую неохотность было-бы несправедливо, поэтому и объявилъ я имъ, что за павшихъ верблюдовъ получать они вознагражденіе соразмѣрнымъ избавленіемъ отъ кибиточнаго сбора.—

Наемка верблюдовъ уральскъ-аральскихъ неуспѣшна; значительнаго числа не достаетъ еще на оба срока; винить въ этомъ также нельзя никого; я оставилъ въ Уральскѣ Султана-правителя, поручивъ ему непременно собрать все нужное число.—На будущее время надо будетъ устроить такъ, чтобы киргизы сами желали наниматься для перевозки тяжестей и это сдѣлать не трудно.—Главнымъ образомъ, если ты хочешь устроить такъ, чтобы башкиры возвращались изъ Аральска съ лошадьми и телѣгами, то и это сдѣлать можно; давай имъ на обратный путь необ-

ходимое количество овса и дегти, отъ недостатка того и другого пропадали до сихъ поръ тысячи лошадей и телѣтъ,—и это повторялось ежегодно, а мы въ Оренбургѣ жалѣли о потерѣ и, признавъ ее неизбежною, каждый годъ подвергали ей бѣдныхъ башкиръ.—Въ Аральскѣ ожидаетъ меня много хлопотъ; до сихъ поръ ломаю себѣ голову, какъ удобнѣе устроить дѣло, какъ сформировать маршевыя колонны въ двоякомъ отношеніи: военномъ и обозномъ верблюжьемъ.—Повѣрь, что это не такъ легко, какъ оно тебѣ кажется въ Оренбургѣ.

Прощайте, больше ничего не вылѣзаетъ изъ головы, а есть еще въ ней кое-что, о чемъ бы хотѣлось Тебѣ сообщить.—Варинькѣ и Жененькѣ моей поклонъ, обнимаю тебя и ихъ.

В. Перовскій.

Мой усердный Антонъ забылъ, или помня, оставилъ все, что у меня на походъ было приготовлено;—многого теперь доставить сюда нельзя, а слѣдующіе три предмета пришли мнѣ, если можно: 1) 2 шелковыя сѣтки на лошадей, стариннаго заготовленія, онѣ уже бывали со мною въ степномъ походѣ, 2) Длинный рукавъ или кишку изъ резиновой матеріи; сверху онъ открытъ, а снизу кончается мундштукомъ изъ кости, который вставляется не въ ротъ; рукавъ этотъ висѣлъ на стѣнѣ у моего туалетнаго столика, 3) походныя жестяныя костюлы для скораго варенья пищи; не знаю, не на кочевкѣ-ли онѣ остались въ моемъ домѣ?

Пищи мнѣ подробнѣе объ Оренбургѣ: установленъ-ли плавучій мостъ передъ твоимъ домомъ? Что дѣлаетъ Богдановъ, Геркъ и пр., пр.?

№ 5. Лагерь при озерѣ Раимѣ. 9 іюня.

Я прибылъ сюда третьяго дня, а сегодня подтянулся и послѣдній эшелонъ Іоннея. Накопилось еще съ полу-

сотни слабыхъ,—не знаю, доставятъ-ли здѣсь людей на обмѣнъ тѣхъ, которыхъ оставляю. — Завтра-же займуться переформировкою ротъ, починкою и перемѣною колесъ изъ подъ орудій, приѣмкою и сдачею разныхъ припасовъ и тяжестей, перетасовкою эшелоновъ, составленіемъ отдѣльнаго вагенбурга, который я оставляю подъ начальствомъ Филатова на Кара-Узякъ противъ Ками-Кургана; всѣ эти дѣйствія потребуютъ много времени, дай Богъ справиться въ 10 дней, т. е. выступить отсюда 2-го іюня,—вотъ какъ теорія далека отъ практики, къ которой впрочемъ мой расчетъ былъ ближе, чѣмъ твой.

Здѣсь нѣтъ ни травки, лошади угнаты на кормъ верстъ за 80.—Большой дѣятельности требовать отъ людей нельзя, жаръ начинается съ восхожденіемъ солнца; вѣтеръ начинаетъ дуть обыкновенно около 10 часовъ и стихаетъ только вечеромъ, безъ этаго было-бы невозможно дышать. — Все это до сихъ поръ большого вліянія на меня не имѣетъ и, говоря вообще, мнѣ лучше, чѣмъ при выѣздѣ изъ Оренбурга,—между тѣмъ жаръ сухой, съ перваго марта и до сихъ поръ не видали мы ни капли дождя.

Отъ Акъ-Мечети въ военномъ отношеніи все тѣ-же противорѣчащія свѣдѣнія. Вода въ Сыръ-Дарьѣ прибываетъ, но, по словамъ киргизъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ помѣшать переправиться на Акъ-Мечетскій островъ.—Киргизы съ величайшимъ отвращеніемъ даютъ верблюдовъ для перевозки тяжестей отсюда вверхъ по Сыръ-Дарьѣ; они увѣрены, что верблюды эти обречены на гибель; я обѣщалъ имъ вознагражденіе за упавшихъ.—Все, что предназначается въ Акъ-Мечеть, необходимо отправлять туда прямымъ путемъ съ линіи, особенно кибитки для гарнизона, которому не удастся, конечно, до будущаго года жить подъ крышею.—Вообще я начинаю думать, что если принять для нашихъ новыхъ крѣпостей систему круглыхъ башенъ, то все таки не обойдется безъ предварительной постройки временныхъ полевыхъ укрѣпленій для

защиты землянокъ и складовъ отъ высланнаго зимняго нападенія. Не худо по этому спросить мнѣнія Богданова, которое я могу еще получить — во-время. — Двѣ лодки, сдѣланныя имъ, оказались никуда не годными, я принужденъ оставить ихъ здѣсь на дрова, — жаль лошадей, которыя тащили ихъ 900 верстъ, — теперь мнѣ некогда объяснить, какъ и почему онѣ негодны. Скажи Фантону, что сегодня я писать ему не успѣю. — Кланяйся всѣмъ и кого слѣдуетъ, то и поцѣлуй. Звенигородскому скажи, что я отыскалъ въ Кара-Кумѣ для него два чудесные куста гребенщика и чтобы онъ прислалъ за ними подводу.

В. Перовскій.

Р. С. Скажи Фантону, что приказы по Корпусу слѣдуетъ подписывать: За отсутствіемъ Корп. Ком. Начальникъ Штаба №№.

№ 6. Будущій фортъ Казалы. 17 іюня.

Отвѣчаю на письмо твое отъ 4-го, полученное мною третьяго дня вечеромъ въ Аральскѣ. — Твоему письму очень радъ, а съ экстра — почтою совершенно ничего интереснаго не получилъ. — Я счастливъ, что выбрался, наконецъ, изъ Аральска; эти вынужденныя стоянки, особенно въ такихъ мѣстахъ не идутъ впрокъ и здѣсь, кажется, не отжирѣли наши лошади. — Жаръ нестерпимый, сегодня я отъ него терпѣлъ и чувствую себя не ладно; надняхъ было 49° и ночью бываетъ до 28°, это слишкомъ; слѣппи также появились, впрочемъ до сихъ поръ грѣхъ пожаловаться. — Объ Акъ-Мечетѣ положительнаго ничего нѣтъ, вѣрно однако же, кажется, что большихъ сконницъ тамъ нѣтъ и разлива также, а здѣсь между тѣмъ С. Д. прибываетъ замѣтно.

Надѣюсь, что передачу Тептерей слишкомъ торопиться не будутъ и окончательно не рѣшатъ прежде моего возвращенія.

О Хрулевѣ пишу я подробно Начальнику Штаба,—пріѣздъ его былъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что я не могу его передать въ другую колонну, а долженъ непременно имѣть при себѣ.—Ты говоришь, что удержать его въ Оренбургѣ послѣ поданнаго имъ Начальнику Штаба рапорта было невозможно.—Я очень любопытенъ знать, чѣмъ можешь объяснить эту невозможность? Если и Ты также понимаешь объясненія Высочайшей воли, какъ Фантонъ, то мнѣ остается одно: отказаться отъ экспедиціи и какъ можно скорѣе возвратиться въ Оренбургъ, а то Вы у меня Богъ знаетъ что надѣлаете. Не предъявиль-ли тебѣ къ исполненію какого либо Высоч. повѣленія Загряжскій, который на это столько-же имѣетъ права, какъ и Хрулевъ?—Я недоволенъ выборомъ башкаръ, особенно 7-го кантона; есть между ними совершенная дрянь. — Не такіе были со мною въ хив. экспедиціи.

Не понимаю, отчего не отвѣчаетъ мнѣ Сенявинъ.

Если-бы ты могъ понять, какъ я Тебѣ завидую, когда Ты говорилъ мнѣ, что ѣдешь на мою кочевку? Право бы отдалъ часть малаго числа дней, которые мнѣ остается отживать, чтобы перенестись туда. Какая прелесть должна быть теперь расчищенная роща! Надѣюсь найти новыя строенія. Откуда Ты полагаешь, что формированіе Башкирскихъ баталіоновъ и посылка ихъ въ степь противорѣчить моему мнѣнію о вредѣ имѣть въ степи магометанскія поселенія? Развѣ Ты полагаешь, тамъ вѣтъ башкиръ? Я могу сказать рѣшительно, что прежде теперешней экспедиціи не имѣлъ я понятія о степи и изъ многаго заключаю, что Ты ее забылъ. Никто еще о ней не сказалъ то, что слѣдуетъ, и не описалъ, какъ она есть. Поселенія въ степи вообще и особенно въ Аральскѣ есть вещь чудовищная, хлѣбопашество, и особенно какъ оно теперь распростран. киргизами близъ линіи, есть дѣло страшное, какъ и всегда: объяснять, какъ и почему, некогда.—Прощай, любезный другъ; не прежде какъ черезъ 15 дней буду у Вишъ-Арны. Боюсь за лошадей,—появился слѣ-

пень, — на вчерашнемъ переходѣ въ первый разъ было нѣсколько присталыхъ лошадей...

Обнимаю Тебя и всѣхъ нашихъ.

Въ Аральскѣ священникъ служилъ обѣдню, какъ я еще нигдѣ не встрѣчалъ, превосходно,—я взялъ его съ собою въ Акъ-Мечеть.

В. Перовскій.

Всѣ производимыя Богдановымъ работы относятся до Генер. Губерн.,—почему записки о нихъ доставляются мнѣ черезъ Фантона?

№ 7. Акъ-Мечеть. 1-го августа.

Любезный другъ, кромѣ курьерской подорожной и грогоновъ прошу тебя выдать Эверсману *) триста рублей изъ экстрординарной суммы.

В. Перовскій.

№ 8. 2 перехода не доходя Кош-Кургана. 8 августа.

Про Акъ-Мечеть писать тебѣ не буду, ты видѣлъ Эверсмана и узналъ отъ него о всѣхъ подробностяхъ.—Теперь тебѣ уже извѣстно, что дѣло это разыгралось не совсѣмъ согласно съ твоими предположеніями.

Изъ Акъ-Мечети выступилъ я ранѣе, чѣмъ былъ намѣренъ; понудила меня къ этому открывшаяся въ сильной степени сибирская язва на лошадей: въ послѣдніе дни пало ихъ болѣе двухъ сотъ, болѣе изъ сѣнокосной команды. Я выступилъ на-легкѣ съ полсотнею казаковъ и ѣду сколь могу скорѣе по два перехода въ день, съ дачею овса на весь отрядъ.

Подурова оставилъ я въ Акъ-Мечети на нѣсколько дней. Скажу тебѣ откровенно, что на счетъ этой крѣпости

*) Эверсманъ, Василій Эдуардовичъ, состоялъ личнымъ адъютантомъ Василя Алексѣевича Перовскаго и былъ посланъ съ донесеніемъ къ Государю о взятіи Акъ-Мечети. Ред.

я не совѣмъ спокоенъ. Пунктъ чрезвычайно важный. Нѣтъ сомнѣнiя, что Кок. *) будутъ дѣлать нападенiя, а оставленный мною комендантъ (Ионней) ни въ какомъ отношенiи не отвѣчаетъ этому положенiю. До зимы врядъ-ли можно исправить укрѣпленiе и приготовить помѣщенiя для горниzona, больныхъ, складовъ и проч.—боюсь болѣзней на людей—медиковъ и въ особенности фельдшеровъ недостаточно. Раненыхъ отправилъ было на пароходѣ въ Аральскъ, но пароходъ возвратился, пройдя внизъ по рѣкѣ не болѣе 20 верстъ.—Сырѣ такъ обмѣлѣлъ, что нѣтъ никакой возможности спуститься до Раима и приходится зимовать въ Акъ-Мечети, и это весьма не выгодно. До сихъ поръ пароходъ не принесъ намъ никакой пользы и я хорошо сдѣлалъ, что не рассчитывалъ на его помощь для экспедицiи.

Я затрудняюсь рѣшить вопросъ о транспортѣ, назначенномъ для доставленiя годныхъ запасовъ для Акъ-Мечети:—изъ Троицка или изъ Орска выступать ему. Затрудненiе нахожу я не въ томъ, откуда доставка обойдется выгоднѣе, а въ томъ, откуда доставить можно вѣрнѣе.—Изъ смѣты мы, полагаю я, вышли ужъ такъ значительно, что 3 или 4 т. болѣе ничего не значать; все дѣло въ томъ, чтобы эти запасы прибыли во время Дороги отъ Троицка на Акъ-Мечеть намъ еще совершенно неизвѣстны и самые караваны, идучи къ Троицку, оставляютъ Акъ-Мечеть далеко въ-правѣ, по этому врядъ-ли можно пускать транспортъ по этой дорогѣ;—съ другой стороны черезъ Уральскъ и Аральскъ путь длиннѣе и нуженъ конный для защиты отъ Кутебарова, который, какъ слышно, дѣлаетъ угоны изъ подъ самаго Уральского укрѣпленiя. Рѣши этотъ вопросъ по твоему собственному усмотрѣнiю и тѣмъ свѣдѣнiямъ, которыхъ, быть можетъ, у меня въ виду нѣтъ,—главное въ томъ, что транспортъ долженъ непремѣнно прибыть своевременно для обезпеченiя Акъ-

*) Команды. Ред.

Мечети.—Кстати о Кутебаровѣ,—съ нимъ непременно и во что бы то ни стало надобно раздѣлаться окончательно.—Султанъ Арасланъ дрянъ, онъ Кутебарова уважаетъ и боится,—онъ за это мнѣ ручался въ Уральскомъ укрѣпленіи, что онъ выставитъ верблюдовъ и проч. и по всему было видно, что этотъ разбойникъ вселилъ въ него страхъ и почтеніе. По моему хваленый Арасланъ не стоитъ ни гроша и его непременно надо бы смѣнить.

Назначенный въ Акъ-Мечеть транспортъ, быть можетъ, выгоднѣе направить черезъ Аральскъ, что вмѣстѣ съ нимъ можно будетъ пополнить въ Аральскѣ артиллер. припасы—въ Акъ-Мечеть выпустили мы около двухъ комплектовъ и 3-й комплектъ на нѣкоторыя орудія взять изъ Аральска. Откуда вздумалъ ты, что я изъ Акъ-Мечети поѣду на Оренб. укрѣпл.? Какъ могъ я удалиться съ С. Д., не взглянувъ на Кармакчи и на Казалы?—Меня пугаетъ каракумская безкормица.—Вышли подставу въ Карабу-такъ, карандасъ высылать, я полагаю, не нужно и по гладкой дорогѣ на скорой ѣздѣ мой карандасъ-дормезъ можетъ быть и не такъ трясокъ.—Кабріолетъ мнѣ былъ очень полезенъ.—Впрочемъ долженъ я тебѣ сказать, что очень часто рождается во мнѣ убѣжденіе, что я не доѣду живой до Оренбурга—не далѣе какъ прошлую ночь я себя чувствовалъ совѣмъ худо и, когда начнутся ночи холодныя, то врядъ-ли я ихъ пересилю.—Ты читалъ копию съ моего представленія на счетъ Высочайшаго Повѣлѣнія объ уничтоженіи общ.-запаш.; новыхъ доводовъ въ пользу этого учрежденія послѣ всего, что было сказано, пріискать трудно, однако же я тебя прошу заняться этимъ не отлагательно,—у потреби Герке. Въ этомъ дѣлѣ виденъ перстъ Киселева.

Я не надѣюсь возвратиться въ Оренбургъ прежде 26 августа, однако же не мѣшаетъ протапливать баню *)

*) Василий Алексѣевичъ страдалъ удушьемъ и баня ему очень помогала. Ред.

съ 23 го. Если я приѣду не совершенно безъ силъ, то нисколько не медля, на другой же день, отправлюсь на кочевку. —

Обнимаю тебя.

По первой почтѣ отправь Алешѣ 800 р. сер.

№ 9. Лагерь подъ Аральскимъ укрѣпленіемъ. 15 августа.

Изъ Акъ-Мечети выступилъ я 5 числа, сюда прибылъ вчера 14-го, изъ этого можешь видѣть, что я шель и иду довольно прытко; отъ сюда выйду сегодня.—Паду-ровъ и сѣнокосная команда должны также быть въ пути. Аргорос де сѣнокосн. команды скажу тебѣ, что между прочимъ добромъ, имѣющимъ произойти отъ моего теперешняго знакомства съ степью, должно считать и то, что я получилъ убѣжденіе въ нендобности отправлять сѣнок. команды въ наши степныя укрѣпленія.—Съ будущаго года этотъ тяжкій нарядъ будетъ прекращенъ совершенно. Мнѣ всегда казалось варварствомъ посылать косить сѣно за 2000 вер. и притомъ терять людей, лошадей и телѣги, теперь я вижу, что вся эта продѣлка была не нужна и что въ теченіи 7 лѣтъ все это дѣлалось безъ всякаго соображенія и основанія.

Кажется, что писалъ тебѣ, что буду въ Оренбургѣ къ 26 числу, врядъ ли это мнѣ удасть,—вѣроятноѣ просрочу дней 6 или 7.

Съ Кутебаровымъ я теперь справится никакъ не успѣю, онъ кочуетъ далеко отъ пути моего слѣдованія и притомъ уйдетъ, коль скоро провѣдаетъ о предстоящей ему угрозѣ,—безнаказаннымъ онъ ни въ какомъ случаѣ остаться не долженъ и, если будетъ захваченъ живьемъ, то подлежить суду по полевому уголовному положенію.

Теперь, когда дѣло кончено, а съ нимъ вмѣстѣ и испытаніе, черезъ которое ты прошелъ относительно неизвѣстности, ты видишь, могъ-ли остаться въ Оренбургѣ

или даже въ Аральскѣ,—могъ-ли пустить отрядъ безъ себя,—могъ-ли, присутствуя лично, не входить въ подробности и проч., и проч.; на повѣрку то и выходитъ, что я совсѣмъ не такъ глупъ, какъ предполагалъ Ты и Файтонъ. Смѣю даже сказать, что если бѣ моя болѣзнь не случилась въ самое время приготовленій къ экспедиціи, —если бы я имѣлъ физическую возможность присмотрѣть за этими приготовленіями, то многое было бы сдѣлано и лучше и полнѣе и облегчило бы затрудненія, встрѣченныя на практикѣ.—Изъ смѣты мы вышли далеко и выйдемъ и еще, но это неизбежно; впрочемъ, какая бы теперь ни произошла передержка, можно ручаться, что въ послѣдствіи она окупится съ избыткомъ.—Приобрѣтеніе Ак. М. мѣстности чрезвычайно важно даже въ отношеніи хозяйственномъ.—На Ак. Меч. острову можно круглый годъ пасти нѣсколько тысячъ лошадей;—въ продолженіи всего нашего тамъ пребыванія лошади не получали ни гарнца овса и оправались, не смотря на слѣпней и комаровъ; пшеницу, ячмень, всякія овощи и проч. и проч. все можно имѣть на Ак. Меч. островѣ, и тамошній гарнизонъ года черезъ два будетъ существовать совершенно самостоятельно, не нуждаясь въ подвозкахъ изъ Оренбурга;—такого благодатнаго уголка не было и не будетъ въ Оренб. краѣ.

Не смотря на все, что я тебѣ толковалъ и объяснялъ о пароходахъ, ты все таки упрямишься и принимаешь въ расчетъ услуги, которыя можетъ оказать намъ это судно. Я отъ парохода ожидалъ и требовалъ одного: перевести нашихъ раненыхъ изъ Ак. Меч. въ Уральскъ; но и это не сбылось: С. Д. такъ обмелѣла, что пароходъ остался зимовать въ Ак. Меч.—это довольно непріятно. Пароходы будутъ полезны тогда, когда вмѣсто одного будетъ ихъ 10 или болѣе;—и тогда каждый изъ нихъ въ продолженіи навигаціи никакъ не успѣетъ сходить изъ Аральска. въ Ак. Меч. болѣе двухъ разъ.—Не забудь прислать антрациту. Казалинскій фортъ идетъ хорошо и,

если кончится, какъ начать, то будетъ замѣчательною въ этомъ родѣ постройкою.

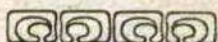
Башкирскія подводы высылать на встрѣчу отрядамъ будетъ не нужно.

Твой племянникъ получилъ Георгіевскій крестъ и будетъ представленъ въ офицеры; жаль, что военное его воспитаніе продолжалось такъ не долго,—я везу тебѣ его обратно, но послѣ полагалъ бы послать его года на два въ Ак. Меч. Рѣши, какъ хочешь.

Напрасно Макаровъ купилъ только 12 п. лапису; я поручилъ ему закупить весь, сколько бы его ни привезли, разумѣется, по различнымъ цѣнамъ сообразно достоинству.

Обнимаю тебя.

В. Перовскій.

III

2 ЧАСТНЫХЪ ПИСЬМА

В. В. Тригорьева къ М. В. Балкашину,

2 копии официальныхъ бумагъ

и замѣтки гр. П.

—
А.

№ 1. Уральское Укрѣпленіе. 30 мая.

Считаю долгомъ порадовать Ваше Превосходительство общею нашею радостію: вотъ уже 600 слишкомъ верстъ отошли мы отъ Оренбурга и вторую недѣлю путь покончили, а здоровье Василя Алексѣевича не только не хуже, чѣмъ было въ Оренбургѣ, а на мои глаза—гораздо лучше. Были дни и особенно ночи очень холодныя съ пронзи-

тельнымъ вѣтромъ, а вчера напротивъ термометръ Реомюра показывалъ на солнцѣ $+42^{\circ}$; и не смотря на такія противоположности Его Высокопревосходительство переносить походъ не хуже, чѣмъ кто-либо изъ насъ. Долгое время мучила его тряска тарантаса, но когда положили въ этотъ послѣдній воздушный матрасъ, неудобство это сдѣлалось совершенно нечувствительнымъ и Генераль сталъ спать по нѣскольку часовъ въ продолженіи самыхъ переходовъ. Съ тѣхъ поръ онъ несравненно покойнѣе, веселѣе и любезнѣе, чѣмъ въ первые переходы. Совершенно здоровѣе также и всѣ прочіе члены штаба и до сихъ поръ все идетъ какъ по маслу: ни одной лошади не только палой, но даже заболѣвшей. Я въ особенности радъ тому, что Ваше Превосходительство дали намъ Филатова: такой онъ расторопный и услужливый человѣкъ, что любо-дорого; о чемъ его ни попросишь, все мигомъ дѣлается.

Затѣмъ, свидѣтельствуя Вамъ и добрѣйшей Варварѣ Александровнѣ искреннее почтеніе и преданность, прошу не забывать насъ блуждающихъ по степямъ и пожираемыхъ комарами.

В. Григорьевъ.

№ 2. Подъ Акъ-Мечетью. 6 іюля.

Вотъ уже пятый день стоимъ подъ Акъ-Мечетью мы, то-есть отрядъ Вас. Алекс., потому что эшелонъ Падурова пришелъ 3-го числа вечеромъ, эшелонъ Іоннея 4-го въ полдень, а эшелонъ Филатова только вчера къ ночи. Осада еще не начиналась, дѣлаются только необходимыя приготовленія: обречогносцирована тщательно вся окрестность, весьма и во многомъ съ прошлаго года измѣнившаяся; приготовлены снаряды, построена одна батарея, и проч., и проч., чего я не знаю и знать не могу. Коканцы между тѣмъ стрѣляютъ въ лагерь нашъ, когда имъ вздумается; до сихъ поръ стрѣльба никому еще не пр и

чинила вреда, потому что стоимъ мы въ разстояніи 600 сажень отъ стѣны, но могла бы его причинить и прежде всѣхъ Василию Алексѣвичу, который поставилъ палатку свою на совершенно открытомъ мѣстѣ прямо подъ выстрѣлами: одно ядро ушло у самой его кареты, въ которой онъ спитъ. Но все это ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ онъ тотчасъ по прибытіи отряда своего на мѣсто: взявъ съ собою Дандевили, Орловскаго, Иогансона, Батыршина *), одного киргиза и двухъ казаковъ, отправился онъ подъ самую крѣпость вести переговоры; его подпустили на разстояніи сажень 100 отъ крѣпости, а тамъ вдругъ, къ ужасу нашему, стали валить въ подѣхавшихъ изъ пушекъ и ружей. Свита бросилась было обратно въ галопъ, но В. А. приказалъ ѣхать шагомъ и такимъ образомъ въ продолженіи четверти часа ѣхалъ подъ сильнымъ, направленнымъ въ него, огнемъ. Слава Богу, что оконтузило только лошадей, люди же всѣ остались цѣлы. Ну что, если бы В. Алексѣвича, не говорю, убили, а только ранили опасно!!! И это не послѣдній его подвигъ въ этомъ родѣ: на третій день онъ ѣздитъ осматривать мѣсто подъ одну изъ батарей, куда хватаютъ не только пушки, а даже крѣпостныя ружья: черезъ нѣсколько минутъ оторвало тутъ ядромъ руку у одного работавшаго солдата. Вы, которые знаете характеръ Василия Алексѣвича, поймете, что удержать его отъ такихъ неосторожностей не можетъ никакое соображеніе, ничье предостереженіе. Напримѣръ, карета его стоитъ на самомъ берегу Сыра, а противный берегъ не былъ еще занятъ нашими. Докладываютъ Генералу, что видѣли, какъ два человѣка спустились изъ крѣпости и перебрались на этотъ противный (лѣвый) берегъ, откуда легко перейти на островокъ, отдѣляющійся отъ мѣста, гдѣ карета стоитъ, какими-нибудь 50 саженьями, такъ что пустить оттуда пулю въ карету не стоитъ ничего.—„Вадоръ“ гово-

*) Колл. Ассессоръ Батыршинъ, родомъ изъ башкиръ, занимаетъ должность младшаго переводчика.

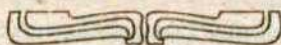
рить А. В. и остается цѣлыхъ двое сутокъ цѣлью для пули перваго коканца, который бы вздумалъ пуститься на такое предпріятіе. Потомъ онъ два дня находился въ такомъ раздражительномъ состояніи, что и подойти къ нему было страшно. Теперь онъ слава Богу, спокойнѣе и опять началъ шутить. Тѣлесное здоровье его тоже не въ дурномъ положеніи: вчера открылся сильный геморрой, кровь потекла ручьемъ, за то вчера и сегодня онъ со всѣми несравненно обходительнѣе чѣмъ въ предшествовавшіе дни.

Всѣ мы прочіе иныя обстоимъ совершенно благополучно, и, осыпаемые коканскими ядрами — что весьма непріятно — скучаемъ только, что не довольно скоро, помѣнію нашему, идетъ осада.

Вчера и пароходъ пришелъ на назначенное ему мѣсто въ двухъ верстахъ ниже Акъ-Мечети, такъ что теперь собрались всѣ наши силы и способы, а послѣзавтра, надѣемся, начнется и нашъ огонь; до сихъ же поръ не сдѣлали мы ни выстрѣла, не смотря на то, что коканцы стрѣляютъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Добраго здоровья Вашему Превосходительству и добрѣйшей Варварѣ Александровнѣ.

Вашъ Григорьевъ.

Б.

Милостивый Государь

Николай Васильевичъ!

По приказанію Его Высокопревосходительства Василія Алексѣевича честь имѣю препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству копію съ отношенія къ кушбеку Ташкентскому отъ 3-го августа и съ предписанія

султану правителю средней части Орды отъ 9 го сего августа.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребыть

Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшимъ слугою

9-го августа 1853 года
Лагерь на Кара-Кулѣ (въ 200 вер-
стахъ отъ Акъ-Мечети).
Его Превосходительству
Н. В. Балкашину.

В. Григорьевъ.

№ 1.
КОПІЯ.

3-го августа 1853 г.

№ 631

Акъ-Мечеть.

**Отъ Генераль-Губернатора Оренбургскаго
и Самарскаго Генераль-Адъютанта
Перовскаго.**

Кушъ-Беку области Ташкентской.

Слово наше къ Вамъ заключается въ нижеслѣдующемъ:

Меньшая Орда киргизъ-кайсаковъ въ лицѣ хана своего Абдулъ-Хаира и почтенѣйшихъ султановъ, биевъ и батырей присягнула добровольно на подданство Государямъ Россійскимъ болѣе 120 лѣтъ тому. По этому всѣ земли, искони и безспорно занимаемыя зимними и лѣтними кочевьями этой Орды, вошли съ тѣхъ поръ въ составъ Русской Имперіи, вмѣстѣ съ тѣмъ правительство наше приняло на себя обязанность заботиться о благѣ подданныхъ своихъ киргизовъ и защищать ихъ ото всякихъ, съ чьей бы то ни было стороны, притѣсненій и насилій. Въ числѣ другихъ мѣстъ къ кочевьямъ Меньшой Орды принадлежать и берега Сыра отъ впаденія его въ Аральское море вверхъ до самаго Туркестана, который нѣкоторое время служилъ даже столицею киргизскимъ ханамъ. Джанисцы, кирѣевцы, алтынцы, чумекеевцы и другіе роды означенной Орды жили здѣсь изстари, какъ полные и ни

отъ котораго изъ сосѣднихъ азіатскихъ владѣній независимые хозяева этого края. Такой порядокъ вещей продолжался долгое время и послѣ того, какъ Меньшая Орда поступила подъ власть и защиту Царей Русскихъ. Но нѣсколько времени тому правители области Ташкентской, пользуясь отдаленностію Сыръ-Дарьи отъ пограничнаго начальства русскаго, стали мало-по-малу распространять власть свою на этотъ край и утверждать владычество свое надъ нимъ построениемъ укрѣплений, подаваясь все ближе и ближе къ устью Сыра. Сначала кочующіе и земледѣльствующие около этихъ укрѣплений киргизы наши не видѣли себѣ большого отягощенія отъ этого водворенія коканцевъ и ташкентцевъ, ибо, хотя и незаконно, беки Акъ-Мечетскіе взыскивали съ нихъ только зякетъ, право взиманія котораго съ киргизовъ, какъ подданныхъ Россіи, принадлежитъ исключительно одному русскому правительству. Потому русское Правительство, не получая жалобъ отъ киргизовъ, не обращало большого вниманія на дѣйствіе Ташкента. Но въ послѣдніе годы, принимая, повидимому, снисходительность русскихъ за слабость и не умѣя цѣнить миролюбивыхъ чувствъ правительства нашего, беки Акъ-Мечетскіе не только начали позволять себѣ притѣсненія и отяготительные поборы въ отношеніи къ кочующимъ около означенныхъ укрѣплений киргизамъ, но дерзнули вторгаться грабительскими шайками даже внутрь степей Малой Орды, осмѣлились разорять и убивать киргизовъ нашихъ, уводя въ плѣнъ женъ ихъ и дѣтей,—подъ самыми укрѣпленіями нашими на Раимѣ и Иргизѣ. Такъ, вимою 1849 года разграблено было на Казалѣ до 1000 кибитокъ Чумекеевскаго, Дюрткаринскаго, Кирейскаго и Кичкене-Чиклинскаго рода; затѣмъ, весною слѣдующаго 1850 года Якупъ-Бекъ разграбилъ чумекеевцевъ въ Кара-Кумахъ и дюрткаринцевъ на Айгерикѣ, а весною 1852 г. опять на Айгерикѣ же напалъ на чумекеевцевъ и угналъ было у нихъ до 150 шт. барановъ. Что русскіе умѣютъ защи-

щать своихъ и не оставляють грабителей безъ преслѣдованія, могли коканцы видѣть изъ того, что вслѣдствіе грабежа 1849 года комендантъ Аральскаго укрѣпленія, преслѣдуя съ небольшимъ отрядомъ вдесятеро многочислѣннѣйшихъ хищниковъ, успѣлъ нанести имъ значительный уронъ въ людяхъ и отбить обратно большое число похищеннаго скота. Но, преслѣдуя виновныхъ силою оружія, пограничное начальство Оренбургскаго края, какъ водится у благоустроенныхъ правительствъ, сочло обязанностію своею потребовать вѣжливымъ образомъ у коменданта Акъ-Мечетскаго Якушъ-Бека и правителя Ташкентскаго Наръ-Мухамеда объясненія въ означенныхъ поступкахъ и удовлетворенія ограбленныхъ киргизовъ по ихъ обычаямъ. Тотъ и другой не только отказали въ послѣднемъ подъ предлогомъ, что грабежи эти произведены киргизами по взаимнымъ барантамъ, а коканцы участія въ нихъ не принимали, но и самыя отвѣты свои изложили въ выраженіяхъ надменныхъ, непозволительныхъ при отношеніяхъ съ правительственными лицами такой великой державы, какова Россія, и къ явной лжи осмѣлились присовокупить даже угрозы. Затѣмъ лѣтомъ прошлаго года посланнымъ отъ меня полковникомъ разорены были коканскія укрѣпленія Кумышъ, Чимъ и Кокъ-Курганы; тогда въ письмахъ своихъ къ коменданту Аральскаго укрѣпленія бекъ Акъ-Мечетскій Юсуфъ всѣ грабежи и притѣсненія, коимъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ подвергались киргизы наши отъ коканцевъ, сваливая на корыстолюбіе предмѣстника своего Якушъ-Бека, увѣдомиль, что въ наказаніе за то сей послѣдній вызванъ въ Ташкентъ, лишенъ мѣста и подвергнутъ взысканію; а Мохамедъ-Вали, обвиняя во всемъ владычество кипчаковъ въ Коканѣ и называя ихъ злодѣями, доказывалъ, что настоящее правительство не обязано платить сдѣланные ими долги и отвѣчать за ихъ поступки. Такое объясненіе не могъ я принять во вниманіе, потому что въ немъ не было никакой правды и искренности: Якушъ-Бекъ, вмѣсто

наказанія за свои притѣсненія киргизамъ, получилъ отъ хана Вашего, какъ слышали мы, высокое званіе Дестерханчи; а Мохамедъ-Куль, объясняясь въ дружбѣ къ коменданту Раимскаго укрѣпленія, въ тоже самое время подговаривалъ султана Ирмухамеда Касымова измѣнить Россіи и откочевать въ коканскіе предѣлы, весною-же дастоящаго года ограбилъ на Яны-Дарьѣ слѣдовавшій въ Россію бухарскій караванъ, въ которомъ находились и товары киргизовъ русскихъ—подданныхъ. Съ одной стороны—всѣ такого рода коварные и несправедливые поступки коканскихъ властей, глухихъ ко всякаго рода мирнымъ внушеніямъ, а съ другой—обязанность русскаго правительства заступиться за подданныхъ нашихъ Сыръ-Дарьинскихъ киргизовъ, которые, будучи выведены изъ терпѣнія притѣсненіями Акъ-Мечетскихъ бековъ, обратились ко мнѣ съ просьбою о покровительствѣ и защитѣ, побудили меня обо всемъ вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія моего Государя, который и повелѣлъ мнѣ наказывать грабителей и устроить порядокъ на Сырѣ, водворившись тамъ твердою ногою. Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія я пошелъ на Сыръ лично и взялъ Акъ-Мечеть, которая и всѣ земли ниже ея по Сыру лежащія, останутся отнынѣ въ нашемъ владѣніи.

Сказавъ все изложенное объясненіе предпринятаго мною похода, объявляю въ заключеніе:

1, что ограбленные шайками Акъ-Мечетскихъ бековъ киргизы наши, какъ требовалъ я и прежде, должны быть удовлетворены за все у нихъ похищенное по обычаямъ этого народа; при чемъ, если уплата этого удовлетворенія въ одинъ разъ признана будетъ слишкомъ тяжелою для повинныхъ ей, то полученіе долга можетъ быть разсрочено на нѣсколько лѣтъ;

2, что далѣе Акъ-Мечети русское правительство не намѣренію заводить крѣпостей своихъ вверхъ по Сыру; но за то и коканское правительство, если хочетъ мира съ могущественною Россіею, должно упразднить всѣ сущест-

вующія въ настоящее время укрѣпленія свои отъ Акъ-Мечети до Туркестана.

Въ силу настоящаго объясненія обязаны Вы уничтожить ближайшее къ Туркестану укрѣпленіе Ваше Яны-Курганъ подобно тому, какъ ближайшее къ Акъ-Мечети укрѣпленіе Джулахъ разрушено уже по приказанію моему. Если же разрушенное нами вздумаете возстановить вновь или вмѣсто помянутыхъ устранивать на означенномъ пространствѣ другое укрѣпленіе, то этимъ самымъ заставите насъ взять ихъ оружіемъ и остаться въ тѣхъ мѣстахъ на всегда, какъ сдѣлано теперь съ Акъ-Мечетью. Поручкою въ вѣрности словъ моихъ можетъ служить то, что видѣли уже Вы доселѣ относительно силы Русскихъ. Потому совѣтую обдумать сказанное мною внимательно и, предпочитая твердый миръ съ могучимъ и справедливымъ сосѣдомъ упрямству и враждѣ, которыя не могутъ вести ко благу, исполнить справедливыя требованія наши и, затѣмъ, жить въ дружбѣ и добромъ согласіи,—въ залогъ коего съ своей стороны всѣхъ взятыхъ мною въ Акъ-Мечети плѣнныхъ отпустилъ я на свободу, хотя они и сопротивлялись русскимъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ случаѣ, если принятіе означенныхъ условій не зависитъ отъ Васъ, какъ лица подчиненнаго вышему въ Коканѣ правительству, то прошу Васъ о содержаніи настоящаго письма моего довести немедленно до свѣдѣнія самаго хана. Жду отвѣта скорого и положительнаго черезъ лицо, званіе котораго соотвѣтствовало-бы важности такого порученія: тогда, можете быть увѣрены, посланный Вами чиновникъ принять будетъ въ Оренбургѣ съ искреннею пріязнію и приличнымъ почетомъ.

На подлинномъ приложена печать Оренбургскаго и Самарскаго Генераль-Губернатора.

Вѣрно: Статскій Совѣтникъ *Григорьевъ*.

9 августа 1855 г.

№ 647

Лагерь при Урочищѣ
Аксы.Правителю средней части Орды Султану
Араслану Джантюруну.

Предписаніемъ отъ 26 мая сего года за № 17 далъ я знать Вашему Степенству, чтобы Вы съ находящимся при Васъ казачьимъ отрядомъ охраняли безопасность транспортной дороги отъ Мана-Авлія по направленію къ Аральску, двигаясь постоянно между означенными пунктами по западную сторону дороги, и, въ случаѣ появленія непріятеля, разсѣяли бы его немедленно. Затѣмъ отъ 31-го мая № 25 предписалъ я Вамъ озаботиться наемкою недостающаго числа верблюдовъ для перевозки тяжестей экспедиціоннаго отряда и съ этою цѣлію разрѣшилъ Вамъ остаться на время при Уральскомъ укрѣпленіи, не упуская, впрочемъ, изъ виду и обязанностей, возложенныхъ на Васъ предшествовавшимъ предписаніемъ; по окончательной-же наемкѣ верблюдовъ должны были Вы донести мнѣ о томъ. Не получая отъ Васъ объ исполненіи этого порученія, требовавшаго нѣсколько дней времени, никакого увѣдомленія въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, отъ 24 іюня за № 390 подтвердилъ я Вамъ какъ о доставленіи свѣдѣній относительно наемки верблюдовъ, такъ и отчета о дѣйствіяхъ вашихъ по охраненію транспортного пути.

Почти полтора мѣсяца прошло уже со времени этого послѣдняго подтвержденія и я все еще не имѣю отъ Васъ ожидаемыхъ донесеній. Между тѣмъ изъ рапорта начальника Уральского укрѣпленія увѣдомился я, что чиклинцы обѣщанныхъ ими верблюдовъ Вамъ не дали, а Исетъ-Кутебаровъ, собравъ около себя довольно многочисленную шайку, буйствуетъ въ степи. Вы же вмѣсто того, чтобы, итти немедленно противу этого мятежника и силою принудить его къ повиновенію, откочевали къ Ори подъ предлогомъ наемки верблюдовъ у прилинейныхъ киргизовъ.

На такія дѣйствія Ваши смотрю я съ крайнимъ неудовольствіемъ, въ особенности припоминая, что Вы лич-

но ручались мнѣ за Кутебарова, когда я для укрощенія этого разбойника намѣревался употребить Вашъ отрядъ совмѣстно съ отрядомъ правителя западной части Орды, тогда съ Вами находившагося.

Непозволительная слабость Ваша повела къ тому, что Кутебаровъ, какъ доходятъ до меня слухи, дерзнулъ сдѣлать угонъ лошадей подъ самымъ Уральскимъ укрѣпленіемъ, чего бы никогда не могло случиться, если бы Вы, исполняя возложенныя на Васъ обязанности, двигались со ввѣреннымъ Вамъ отрядомъ тамъ, гдѣ Вамъ указано.

По этому объявляю Вамъ теперь, что всѣ безпорядки, которые отнынѣ произведетъ въ степи разбойникъ Исеть Кутебаровъ, падутъ на Вашу личную отвѣтственность по всей строгости законовъ. За недонесеніе мнѣ о ходѣ дѣла по наемкѣ верблюдовъ и за откочеваніе Ваше на Орь безъ моего вѣдома дѣлаю Вамъ строгій выговоръ.

Генералъ-Адъютантъ *Перовскій*.

Вѣрно: Статскій Совѣтникъ *Григорьевъ*.

В.

Отдѣльныя замѣтки гр. В. А. Перовскаго.

1. Въ непродолжительномъ времени должны быть доставлены въ Оренбургъ: а) 3 палатки съ принадлежностями, купленныя въ Петербургѣ Дандевилемъ. Эти предметы нужны для похода и желательно, чтобы они застали меня еще въ Аральскѣ. Сюда придутъ они не въ одно время и отправлять ихъ слѣдуетъ по мѣрѣ прибытія.

2. По послѣдней почтѣ писано мною Сениявину объ извѣстномъ дѣлѣ; на это получается отъ него обратно кромѣ официального отвѣта и письмо, которое Балкашину слѣдуетъ прочесть и потомъ переслать мнѣ.

3. О ружьяхъ 4-го батальона надлежитъ также ожидать отъ Воен. Минист. партикулярнаго письма,—постому и его письма надлежитъ Балкашину прочитывать прежде отправленія ко мнѣ.

4. Почту ко мнѣ отправлять непременно еженедѣльно по полученіи экстра-почты; выписку или копію важнѣйшихъ бумагъ посылать по слѣдующей почтѣ.

5. Если получится посылка съ папиросами, то также переслать мнѣ.

6. Начиная съ прибытія моего съ Аральскаго Укрѣпленія будетъ отправляться отъ меня еженедѣльно нарочный съ бумагами, а если встрѣтится надобность, то и болѣе одного раза въ недѣлю.

7. Ожидаются также 25 знаковъ отличія Военнаго ордена, которые по полученіи надлежитъ передать мнѣ съ первою почтою.

